

НА ЛЕТНЕМ Московском фестивале Иштван Сабо, помнится, сильно рассердился, в третий раз услышав вопрос по поводу нашей перестройки. «Трижды за время встречи я спрашивал себя, какого дьявола я должен отвечать на вопросы, в которых совершенно ничего не понимаю? — чеканил он тогда. — Почему я должен комментировать вашу сегодняшнюю общественную ситуацию, в которой вы разбираетесь лучше меня? Почему вы ждете пророка, который вам все расчислит наперед?».

Памятуя о том, на пресс-конференции Дамиано Дамиани я не торопился спрашивать режиссера, что он думает о советской мафии и не намерен ли снять о ней фильм. Зато это сделали коллеги. Дамиани пожал плечами:

— Мне всегда казалось, что я своего рода привилегированный, что мафия принадлежит Италии. Мафия не может быть сравнима с организованной преступностью, к примеру, Чикаго. Там — организация бизнесменов, и она не имеет ничего общего со структурой народной мафии, сложившейся на Сицилии.

Пришло время брать быка за рога.

— Синьор Дамиани, если вы не считаете советскую преступность полноценной мафией, объясните, что есть мафия в исконном смысле?

— Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось бы прочесть здесь лекцию по сицилийской истории.

— Так за чем же дело стало?

Переводчица шепнула: «Этот парень из молодежной коммунистической газеты» (в самом деле, как еще можно перевести «Московскийсомолец»? Мэтр оживился:

— О, да он опасен! Ну что же. Сицилия представляет собой остров в центре ан-

Дамиано ДАМИАНИ:

«Мафии я не боюсь,

мск. комсомолец - 1990, - 8 марта

она меня, впрочем, тоже»

«Неделя» писала, что почти все консультанты фильма Копполы «Крестный отец», профессиональные мафиози, погибли спустя пару месяцев после съемок. Не опасно ли ваше увлечение?

— Поначалу было. После первой моей картины «День совы» я получил анонимное письмо: «День совы будет последним днем твоей жизни». Я занервничал, позвонил офицеру карабинеров и показал ему это письмо. Он ответил: «Это писал дилетант, мафия занимается серьезными делами». Я много раз задумывался, почему для меня неопасно делать фильмы о мафии, и понял, что она начинает беспокоиться, лишь когда некто знает что-то конкретно и может ей повредить. Но если люди мафии ходят смотреть фильм о себе, они развлекутся так же, как обычные зрители. Тем более для них это еще и реклама.

— Вам приходилось общаться с крупными мафиози, узнать их мнение о своей работе?

— На Сицилии невозможно снять семь-восемь (не считая «Спрута») картин о мафии и не встретиться с нею. Но я к этому никогда не стремился, поэтому на коротке никого из особо известных личностей не знал. Хотя... Если бы проявил желание, могли бы сходиться поужинать. Притом я находился в атмосфере, пронизанной духом мафии. Замечу: под этим я понимаю и положительные стороны. Например, я снимал один фильм в квартале строящихся домов, и когда владельцы стройплощадок узнали об

этом, они устроили саботаж: пускали перед камерой мотоциклистов, автопогрузчики, грузовики. Так или иначе, я пытался продвигаться вперед, и вдруг все перевернулось: все стали любезны, мне удалось сделать все запланированное на день. Я был доволен сам собой до тех пор, пока друг-сицилиец не обмолвился: «Ты же не знаешь, что произошло. Сюда приезжал Винченцо» (это мой друг, тоже строитель, знающий всех местных хозяев). Оказывается, за моей спиной он проехал по задворкам, со всеми переговорами, и велел: «Дайте Дамиани снимать». Он не был мафиози, но, находясь в этом мире, помимо воли имел соответствующие контакты, и его уважали. А я-то думал, это я их победил.

— А как относится к вам юстиция? Существуют ли проблемы с получением необходимой информации со стороны органов правопорядка?

— Знаете, когда я снял первый фильм о мафии (это было 20 лет назад), все мы были посторонними друг другу, но с годами притерлись. У политических деятелей, многие из которых тесно связаны с мафией, мы не вызвали симпатии — они всегда считали, что мы говорим неправду. Полиция и карабинеры, напротив, помогали. Однажды командир карабинеров Палермо, полковник, пригласил меня на разговор. Зная, что это суровый офицер, я пригласился к борьбе. Оказалось, он видел по ТВ репортаж о моем фильме, и в кадре офицер карабинеров в исполнении

Франко Неро ел самым невоспитанным образом, да еще в расстегнутой форменной рубашке. Полковник счел, что я таким образом хотел представить его ведомство. Я ответил, что против карабинеров ничего не имею, это просто артист не умеет как следует есть. Мы расстались с миром. Имя этого полковника было Карло Альберто далла Кьеза — тот самый, который позже стал генералом, был назначен префектом Палермо и расстрелян в автомобиле вместе с женой через сто дней работы в новой должности.

— У ваших героев — полицейских были реальные прототипы?

— Да, конечно. Я был знаком с комиссаром Мендолиа, с комиссаром Сальваторе Джулиано, который был убит, с комиссаром Монтана, который тоже был убит. Всех их я знал достаточно близко и не мог понять, почему они работают комиссарами на Сицилии. Это были герои.

— Нормы права нарушают многие ваши герои. Лично вы допускаете противозаконные средства для борьбы с преступными проявлениями?

— Нет, я так не считаю. Но драма положительных героев часто заключается в том, что закон и люди, его представляющие, часто не отвечают требованиям настоящего Закона.

— Сюжетная схема вашей картины «Предупреждение» повторяет основные каноны фильма «Признание комиссара полиции прокурору республики»: два законника, комиссар и прокурор, птенец и пожилой волчара, временно приходящие к выводу о бессмысленности законных средств в борьбе с мафией. В ранней картине дует терпит фиаско, в «Предупреждении», напротив, расстропав закон и порядок, герои все же сажают мерзавцев за решетку. Вызвано ли это смещением ваших взгля-

дов на правосудие? Или переменилась ситуация в правоохранительной сфере, и «органы», пусть и топчакон, на самом деле стали побеждать?

— К сожалению, ничего подобного не произошло. Если б итальянское государство действительно работало и было эффективно, мафия давно была бы побеждена. Политические деятели в большинстве случаев связаны с организованной преступностью, так как воспользовались ее услугами на выборах. Ответственность за мафию несет итальянское государство.

— При тоталитарной системе мафия нежизнеспособна. Считаете ли вы возможным пожертвовать ценностями демократического строя во имя ликвидации преступности?

— Ни в коей мере. Само тоталитарное государство представляет собою организованную преступность, ставшую у власти. Мы просто живем в демократическом обществе, которое гарантирует права граждан — посему оно зачастую гарантирует преступников. Но так и должно быть. Мафию следует уничтожить иным способом — просвещение населения и повышение честности со стороны государственных органов.

— Спасибо, синьор. Пресс-конференция окончилась. Расходящихся газетчиков сменило телевидение. Первым их вопросом был: «Не собираетесь ли вы снять фильм о советской мафии?».

Егор ДЕНИСОВ.

Р. S. Фильм «Предупреждение» шел у нас под названием «Следствие с риском для жизни». Выход его е прокат совпал с демонстрацией тезки, тоже «Предупреждения», «правильной» советской постановки о процессе Георгия Димитрова. В этом противостоянии свое имя проиграл фильм Дамиани, получив взамен более кассовое и более глупое.